

ЭМИЛИ ЛЛОЙД-ДЖОНС

ДОМА
КОСТЕЙ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л67

Emily Lloyd-Jones

THE BONE HOUSES

Copyright © 2019 by Emily Lloyd-Jones

This edition published by arrangement Little Brown Books for Young Readers,
a division of Hachette Book Group Inc., New York, New York, USA.

All rights reserved

Перевод с английского У. Сапциной
Художественное оформление Я. Клыга
Иллюстрация на переплете Prima Leta

Ллойд-Джонс, Эмили.

Л67 Дома костей / Эмили Ллойд-Джонс ; [перевод с английского-го У. Сапциной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 304 с.

ISBN 978-5-04-187026-3

Большинство людей боится смерти. Но только не семнадцатилетняя Рин, которая после гибели родителей работает на кладбище. Однако в деревушке Колбрен мертвые не остаются в земле навсегда.

Восставшие трупы годами бродили по лесу, но никогда не выходили за его пределы. Теперь же они стали нападать на местных жителей.

Когда в деревню приезжает Эллис, загадочный ученик картографа, мертвецы становятся еще агрессивней. Может, эти события как-то связаны?

Чтобы узнать правду, Рин и Эллису придется отправиться в опасное путешествие и отыскать место, окутанное древними тайнами.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-187026-3

© Сапцина У., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Посвящаю моим бабушкам

ЖИВЫЕ

Дети могильщика были настоящими хулиганами. Они гоняли кур по соседским дворам, размахивая палками, как мечами, и крича, что это чудовища превратились в птиц. Убегали в поля и возвращались с губами, перепачканными соком ягод, с хрустом перемалывая семечки крепкими зубами. Скакали по дому, врезались в стены и сломали одну из ложек любви¹, вырезанных их отцом. А однажды впрягли свинью в тележку и носились по деревне, испуская вопли страха вперемешку с восторгом. Почти все сходились во мнении, что у старшей и единственной на тот момент в семье дочери на уме одни проказы, да и младший брат от нее не отставал.

— Они угомонятся, — говаривала хозяйка постоянного двора Инид. — В детях, растущих в таком тесном соседстве с Аннуном², не может не быть хотя бы искры буйства. Их родители слывут порядочными людьми. И дети станут такими же.

— А не станут, — подхватывал Хивел, — так из девчонки получится отличный новобранец для армии кантрева³.

¹ В Уэльсе существовала древняя традиция, которая вела свою историю от кельтов. Неженатый мужчина демонстрировал свои чувства понравившейся девушке не только нехитрыми подарками в виде сладостей или пирогов, но и с помощью красивой ложки, которую собственноручно вырезал из дерева. — *Прим. ред.*

² Потусторонний мир в валлийской мифологии. — *Прим. ред.*

³ Кантрев — единица административного деления средневекового Уэльса, игравшая центральную роль в организации системы правосудия согласно валлийским законам. — *Прим. ред.*

Отец сорванцов рыл могилы, и когда вечерами приходил домой, под его ногтями виднелась земля, а сапоги были в грязи. Если в деревне никто не умирал, он пропадал в лесах и возвращался с грибами, кислицей и всевозможными ягодами. Семья никогда не была богата, но стол ломился от вкусной снеди. Мать вела книги расходов, общалась с плакальщиками и сажала по краям кладбища дрок, чтобы защититься от магии.

При всей свободе, которой пользовались дети, одно правило они знали твердо: идти в лес за отцом нельзя. Они следовали за ним до тени, которую отбрасывали деревья на каменистую почву, а потом отец поднимал руку с растопыренными пальцами, прощаясь и запрещая идти дальше одним-единственным жестом.

Дети слушались — поначалу.

— Что ты делаешь? — спросил брат, увидев, что сестра шагнула под навес ветвей.

— Хочу увидеть лес.

Брат потянул ее за руку, но она отмахнулась.

— Нельзя, — напомнил он. — Нам не разрешают.

Но сестра не слушала его.

Лес был прекрасным, заросшим густым папоротником и пышным мхом. Сперва все шло хорошо. Девочка срывала лесные цветы и вплетала в свои спутанные волосы. Попыталась поймать в ручье рыбку. Смеялась и играла, пока не спустился вечер.

Подкрадывалась темнота, пробуждались твари.

Темная фигура застыла неподалеку, наблюдая за девочкой. На миг ей показалось, будто это отец. Незнакомый человек был рослым и широкоплечим, но с чересчур узкой талией и запястьями.

А когда он подошел ближе, девочка поняла, что это вовсе не человек.

И никак не мог им быть — с голыми костями лица, ощеренными зубами и пустыми провалами глазниц. Девочке уже случалось видеть трупы, но их всегда бережно заворачивали

в чистое полотно, а потом опускали в землю. Они были мирными. А эта тварь медленно передвигалась под тяжестью доспехов, на поясе у нее висел меч. И она смердела.

У девочки мелькнула смутная мысль схватить какую-нибудь ветку, чтобы было чем отбиваться, но ее сковал страх.

Нежить подобралась так близко, что девочка видела мелкие щербины и трещинки на ее костях и черноту на месте выпавших зубов. Тварь встала на колени перед девочкой, не сводя взгляда пустых глазниц с ее лица. Притянула ее к себе.

И сделала вдох. Прерывистый сильный вдох сквозь зубы, словно пыталась ощутить вкус воздуха.

Девочку трясло от ужаса. Им был пропитан каждый миг.

Нежить отстранилась, склонила голову набок в безмолвном вопросе. Потом поднялась на ноги и устремила взгляд куда-то за спину девочки. С судорожно бьющимся сердцем девочка оглянулась через плечо.

В нескольких шагах от них стоял отец. В одной руке он держал корзину с лесной зеленью, другой поудобнее перехватывал топор. Угроза была невысказанной, но несомненной.

Нежить отступила, а девочка по-прежнему дрожала так сильно, что не могла выговорить ни слова. Отец упал перед ней на колени, проверяя, не ранена ли она.

— Я же говорил тебе не ходить за мной.

На ее глаза навернулись слезы.

— Смерти не стоит бояться, — сказал он, — но и забывать о ней не надо. Нужно осознавать ее.

— Так это была она? — спросила девочка. — Настоящая смерть?

Отец положил ладонь ей на плечо.

— Дом костей, — ответил он. — После смерти они задерживаются на этом свете. Вот почему деревенские не тревожат лес.

— Но ты же сюда ходишь, — возразила она.

— Да, — подтвердил отец. — Тем из нас, кто по долгу своего ремесла имеет дело со смертью, все это знакомо. Я их не боюсь, и тебе незачем, если знаешь, как найти путь в лесу.

Она взгляделась в чащу деревьев, ветки которых оплетал туман, — на лес опускалась ночная стылость. Девочка уже не боялась — скорее, в ней пробуждалось чувство, схожее с радостным предвкушением.

— Научишь меня? — спросила она.

Отец улыбнулся и взял ее за руку.

— Я тебе покажу. Но наберись терпения и не сдавайся.

Два года он показывал ей, как находить тропы среди деревьев, где водятся кролики, как отличать сладкие ягоды от ядовитых. И никогда не расставался с топором. В те дни, когда они не ходили в лес, он брал ее на кладбище. Она училась разбивать верхний каменистый слой почвы, заворачивать тела в саван, отдавать покойным последние почести.

Зимы стали суровыми и холодными, запасы еды быстро истощались. После жидких супов воспоминания о налитой соком ежевике и зелени, сбрызнутой маслом, не давали детям спать по ночам. Деревня мельчала — земледельцы забирали семьи и увозили куда-то, оставляя пустые дома и голые поля. Все меньше оставалось тех, кому требовались услуги могильщика.

Мать забеременела в третий раз, и когда отцу предложили работу разведчика, он согласился. Наместнику кантрева вздумалось обследовать заваленный рудник, а добраться до него можно было лишь через лес. Потому он и обратился к человеку, которому лес не внушал страха.

Дочь умоляла взять ее с собой, но отец отказался. А когда она заспорила, дал ей половину деревянной ложки любви. Несколько таких ложек он вырезал для их матери, когда ухаживал за ней, а эту сломали сестра и брат, играя в кухне. Завитки темного дерева были гладкими на ощупь, девочка провела пальцем по переплетенным сердечкам и цветам.

— Вот, — сказал отец, обхватывая ее ладони и бережно сжимая в них ложку. — Бери себе эту половинку, а я возьму другую. Пока она с тобой, знай, что я тебя найду.

Девочка прижала ложку к груди и кивнула. Отец поцеловал детей и беременную жену и ушел в лес.

Он не вернулся.

Ложась спать, дочь клала половину ложки под подушку, а днем носила ее в кармане. Она верила, что он непременно вернется.

Иногда дочь уходила в лес. Стояла среди деревьев в тени гор и ждала. Ждала, что снова увидит мертвеца.

Лес ничуть не пугал ее, скорее, ей хотелось быть такой же, как он — неподвластный времени и неуязвимый, жестокий и прекрасный.

Смерть не могла коснуться его.

ГЛАВА 1

Вечерний воздух приятно пах свежевырытой могилой. Рин поглубже вдохнула этот запах — сладость перевернутого дерна, влаги, исходящей от зеленой травы, и древесного дыма, долетающего из деревни. Лопату было удобно держать в руках, рукоятка легла как раз на привычные мозоли. Рин вонзала ее в сырую землю, выворачивая камни и разрубая тонкие корни. Контуры могилы она обозначила бечевкой и гвоздями, теперь предстояло снять верхний слой зелени и почвы.

Лопата ударилась о камень, тонкий звон отдался в ушах. Поморщившись, Рин схватилась за камень обеими руками и вывернула его из земли. Вместе с камнем показался червяк, корчась с недовольством существа, непривычного к солнечному свету. Рин подцепила его двумя пальцами и швырнула через плечо.

За ее спиной кто-то издал негодующий возглас.

Она обернулась.

Брат стоял за ней, держа червяка в перепачканных чернилами пальцах.

— Извини, — сказала Рин. — Я не слышала, что ты подошел.

Гарет бесстрастно взглянул на нее, отошел влево на несколько шагов и бросил червяка в траву.

— А тебе никогда не приходило в голову вернуть червяка на прежнее место?

— То, что выползает из могилы, я обычно убиваю, — ответила Рин. — Так что пусть этот червяк скажет спасибо.

Гарет нахмурился, возле рта обозначились недавно появившиеся морщины. Из них двоих он был младше, однако нес на себе печать старческой усталости.

— Напрасно ты взялась рыть могилу, Рин.

Она невольно фыркнула:

— Потому что этим делом займешься ты?

Одежда Гарета была безупречна. Ни пятнышка земли на жилетке, ни единой травинки на сапогах.

— Потому что, — его голос зазвучал серьезнее, — утром приходил молодой мистер Тернер и известил нас, что мистрис Тернер наши услуги не понадобятся. Они решили сжечь тело.

На миг Рин замерла, разрываясь между своей задачей и осознанием, что больше в ее услугах нет необходимости. Руки изнывали от желания снова взяться за лопату.

Покачнувшись на пятках, она принялась вытирать испачканные землей руки о штаны. Гарет увидел, что на них появляются грязные полосы, и охнул, как от боли, но она не обратила внимания.

— Что ж, не повезло.

— Эта могила была нашей последней надеждой. — Гарет отступил на шаг. — Мы рассчитывали, что получим деньги от Тернеров и благодаря им продержимся зиму. — Сквозь стиснутые зубы у него вырвался вздох. — Идем. У Керидвен¹, наверное, уже готов ужин.

Рин выпрямилась во весь рост. Она была такой же высокой, как ее брат, и, вспоминая об этом, всякий раз улыбалась, а он хмурился. «Длинная и тонкая, как веточка», — однажды сказала ее мать. «И грациозная, как жеребенок во хмелю», — ласково добавил отец.

— Сегодня утром я видела дом костей, — сообщила она. — Мельком. Бросилась за топором, но солнце встало до того, как я вернулась. Должно быть, он упал в высокую траву, потому что я так его и не нашла. — Она пожала плечами. — Подожду ночи. Пусть сам меня найдет.

¹ Отсылка к богине плодородия в валлийской мифологии. — *Прим. ред.*

— Дом костей? — Между густых бровей Гарета возникла складка.

— Да, — ответила Рин. — Знаю-знаю — сейчас ты скажешь, что дома костей из леса не выходят и что я, наверное, перепугала до полусмерти какого-нибудь бродягу.

Гарет нахмурился.

— Нет, — ответил он. — Я... я тебе верю. Просто это уже второй.

Ему достались глаза матери — карие, оттенка плодородной почвы. Он умел заглядывать собеседнику прямо в душу, отчего Рин всегда хотелось покрепче вцепиться в свои тайны.

— Они же раньше никогда не выходили из леса, — добавил он.

В словах прозвучал оттенок упрека, и Рин скрестила руки на груди.

— Я в лес не ходила, — огрызнулась она. — Ну, разве что по опушкам.

Ее так и подмывало напомнить ему, что в кладовой у них до сих пор есть еда лишь благодаря ее готовности рисковать, неглубоко заходя в лес.

— Ладно, — сказал Гарет. — Займись этим домом костей. Но если Кери расплатится ночью, потому что рассказчик историй на сон грядущий из меня никудышный, виновата будешь ты.

— Да просто почитай ей книгу расходов, — посоветовала Рин. — От нее сразу потянет в сон. — Она смягчила слова усмешкой и хлопком по руке брата.

Гарет поморщился, скосив глаза на грязное пятно, оставшееся на его рубашке.

— Только смотри, чтобы тебя не убили, ладно? — Уже уходя, он добавил через плечо: — И имей в виду — если погибнешь, к завтраку все равно лучше не опаздывать.

* * *

Кладбище Колбрена находилось поодаль от границ деревни. Когда Рин была маленькой, она спросила отца, почему

они хоронят мертвых так далеко от живых. Ей до сих пор помнилось, как он взъерошил крепкими пальцами ее волосы и улыбнулся, прежде чем ответить.

— Большинство людей смерть пугает. Им хочется, чтобы между ними и вечностью оставалось некоторое расстояние. И потом, должен же у мертвых быть свой уединенный уголок.

Кладбище появилось еще до того, как король *иных* бежал с островов. Потому и сохранились давние обереги: дрок разрастался вдоль границ кладбища, густо осыпанный желтыми цветами, колючие кусты скрывали из виду железные прутья, вогнанные в землю. Дрок и железо. Они не мешали людям появляться на кладбище, но остановили бы *иных* тварей.

На небе угасал свет, пропадая за окутанными дымкой горами.

На дороге, ведущей к деревне, Рин увидела знакомый силуэт. Плечи мужчины были согбенными от долгих лет тяжелого труда, он нес тронутый ржавчиной меч. Касаясь кончиками пальцев влажной высокой травы на обочине, Рин приблизилась к путнику.

— Похоже, тяжелоата для вас эта ноша, мистер Хивел.

Старый Хивел хмыкнул:

— Мне случалось носить и потяжелее — еще до того, как появились на свет твои родители, Рин. Грех жаловаться. — В голосе старика слышалась ворчливая ласка.

— И зачем же мельнику понадобился меч? — спросила она.

Он снова хмыкнул, и на этот раз его ответ прозвучал резковато:

— Сама знаешь зачем.

Она скривилась:

— Неужто ваших кур таскают?

— Ну уж нет, — тяжело дыша, отозвался Хивел. — Мои куры умеют за себя постоять. — Он искоса бросил на нее взгляд. — Тут недавно с твоим братом разминулись, — сообщил он. — С виду будто сам не свой, ты уж не обессудь за такие слова.